

Убедившись, что Ли Жун и Цэнь Сяо настроены на диалог, Хэ Даюн облегченно выдохнул.

— Пройдемте в мой кабинет.

Первым развернувшись, он зашагал к выходу; подошвы его туфель издавали на сухом полу звук, напоминающий треск отклеивающейся ленты. Ли Жун, не колеблясь ни секунды, последовал за ним.

Юй Фуянь невольно вскинул руку, но замер на полпути в нелепом жесте.

— Капитан... — едва слышно пробормотал он. — Ли-гэ?

Цэнь Сяо бросил на него короткий взгляд и распорядился:

— Ждите снаружи. Хань Цзяню пока ничего не докладывать.

Юй Фуянь тут же плотно сомкнул губы и послушно кивнул. В данный момент он не знал, как поступить, и мог лишь беспрекословно следовать приказам. По совести говоря, юноша считал происходящее делом государственной важности: следовало немедленно отправить рапорт начальнику группы и начать полномасштабное расследование деятельности фармацевтической компании «Мэйцзян». Но все улики нашел Ли Жун, и если тот действительно решил о чем-то сторговаться с Хэ Даюном, у оперативника просто не было права голоса.

Гэн Ань похлопал напарника по плечу.

— Не бери в голову, — тихо произнес он. — Просто доверься капитану и Ли Жуну.

Юй Фуянь выдавил улыбку:

— Да разве я могу им не верить?

Ли Жун снова вошел в кабинет директора на верхнем этаже. На этот раз даже секретаря Хэ Даюна оставили за дверью. В этих стенах всё осталось прежним, но настрой присутствующих изменился до неузнаваемости. От былой уверенности и торжествующего вида Хэ Даюна не осталось и следа; в складках между его бровей залегла глубокая тревога.

Потоки воздуха из кондиционера наконец высушили пот на воротнике и висках мужчины. Он

неловко коснулся шеи и посмотрел на чашку чая, стоявшую на столе. Директор хотел было сделать глоток, но, вспомнив, как Ли Жун недавно хвалил этот сбор, внезапно почувствовал, что чай не лезет ему в горло.

Раздраженно вытянув салфетку, Хэ Даюн вытер шею, после чего глубоко вздохнул и повернулся к гостям. Его голос звучал сухо и враждебно:

— Признаю, я сильно недооценил вас двоих. Не ожидал, что вы придете настолько подготовленными.

— Если бы господин Хэ соблюдал закон и был безупречен, — бесстрастно отозвался Цэнь Сяо, — наш приход всё равно ничего бы не изменил.

Ли Жун, сложив руки на груди и слегка приподняв подбородок, с отстраненным видом рассматривал висевшую за спиной президента картину в стиле гохуа. Он не собирался ввязываться в предварительную словесную дуэль — рутинную психологическую перепалку Цэнь Сяо вел куда виртуознее.

Хэ Даюн медленно покачал головой:

— Капитан Цэнь, вы выросли в Третьем районе и должны понимать: в бизнесе не бывает кристально чистых предприятий. Подобно тому как человек не способен нарисовать идеальный круг, вы не найдете идеально добросовестной корпорации. Вы прекрасно это знаете — так зачем требовать от меня святости?

— Пока расследование не проведено, я по умолчанию считаю предприятие честным, — Цэнь Сяо холодно усмехнулся. — Но как только факты вскрыты, закон вступает в силу. Вы работаете в медицинской индустрии, ваш бизнес напрямую связан с человеческими жизнями. И у вас хватает наглости оправдывать отсутствие совести? То, что вы оказались в нынешнем положении — вовсе не несправедливость, это закономерность.

Ли Жун, не мигая, продолжал изучать линии на полотне, мерно постукивая пальцем по локтю. Казалось, он находится не в кабинете преступника, а в музее.

Слова капитана, судя по всему, задели Хэ Даюна за живое. Его тучная шея мгновенно покраснела, щеки раздулись от гнева. Он с силой ткнул пальцем в пол и тяжело выдохнул:

— Мой «Цинжуй» — хорошее лекарство! Оно лечит! Оно спасло бесчисленное множество людей! Даже когда я обходил лазейки в законе, ввозя контрабандные дженерики, я спасал жизни! Если бы я тогда не пережил те штрафы, не было бы ни фармацевтической компании «Мэйцзян», ни «Цинжуй». Те, кому я помог, те, кого я спас... Разве моя совесть спасла бы меня самого?!

Выпалив эту тираду, директор судорожно глотнул воздух. От нехватки кислорода у него закружилась голова, и ему пришлось опереться руками о массивный стол из темного дерева.

Ли Жун лишь на мгновение дрогнул веками, услышав это признание. Тем не менее, он не проронил ни слова, безмолвно наблюдая за тяжело дышащим, обливающимся потом собеседником.

— Вы мастерски умеете искать себе оправдания, — губы Цэнь Сяо тронула ледяная улыбка. — Если даже в документации эффективного «Цинжуй» обнаружена подделка, то как вы объясните существование двух видов «Юаньхэшэна» — белого и серого?

Хэ Даюан застыл. Он долго всматривался в лицо Цэнь Сяо, не в силах проронить ни слова. Очевидно, он не предполагал, что оперативник уже разгадал секрет, скрытый в таблетках.

Белый «Юаньхэшэн», как и слегка несовершенный «Цинжуй», обладал лечебным эффектом и не вызывал побочных реакций у большинства пациентов. Настоящим преступлением был серый «Юаньхэшэн» — брак, в котором содержание действующего вещества было ничтожным, а основной объем занимали балластные наполнители. Это был самый подлый продукт, созданный Хэ Даюаном: даже тройная доза серых таблеток не давала того эффекта, который обеспечивала одна белая.

Однако психотропные препараты направлены на подавление симптомов; их эффективность или бесполезность не решают вопрос жизни и смерти в краткосрочной перспективе. В этом заключалось фундаментальное различие между «Юаньхэшэном» и «Цинжуй».

Директор шевельнул губами, словно в порыве хотел что-то объяснить, но вовремя сдержался. Наконец он издал сухой смешок:

— Я не горю желанием обсуждать с вами эти вопросы. У вас есть козыри, и я это признаю. Но подумали ли вы о последствиях? Стоит вам остановить заводы «Мэйцзян», как на рынке возникнет дефицит «Цинжуй». Это вызовет нехватку лекарств и панику среди пациентов. У меня в портфеле множество препаратов, на которых держится цепочка поставок. Если она оборвется, пострадаю не только я. Если вы действительно печетесь об интересах общества, вы должны дать мне шанс... К тому же...

Хэ Даюан сделал паузу. Заметив, что Цэнь Сяо не намерен его перебивать, он многозначительно улыбнулся:

— Зачем доводить до крайностей? У меня нет никакой вражды с председателем Цэнь Цином, в будущем мы вполне могли бы быть полезны друг другу. Я умею быть по-настоящему преданным друзьям и не обману доверия капитана Цэнь. Девятый район вцепился в меня лишь потому, что Хань Цзянь злится из-за лояльности своих людей ко мне и хочет вставить палки в колеса. Стоит ли вам, капитан, таскать каштаны из огня для другого?

— И кстати, о нашем молодом человеке, — директор перевел взгляд на Ли Жуна. — Я заметил ваш интерес к искусству. Хотя я знаю, что в семье капитана Цэнь хватает раритетов, каждый предмет коллекции уникален. Картина «Рай на земле», на которую вы смотрите — единственная в сортности. Если она вам по душе, я готов расстаться с ней ради нашей дружбы. Я искренне ценю такие таланты, как вы.

Ли Жун наконец улыбнулся. Его глаза весело сощурились, а вид стал на редкость довольным.

— Господин Хэ наконец-то перешел к делу. А я-то уж грешным делом подумал, что у нас тут симпозиум по социологии и антропологии, и мне слова не дадут вставить.

Хэ Даюн приподнял бровь. Судя по выражению лица юноши, он решил, что предложение нашло отклик. Как он и полагал, в этом мире нет людей без слабостей. Главное — нащупать их, предложить то, что человек жаждет, и большинство проблем решится само собой. К тому же он подметил, что Цэнь Сяо ни в чем не противоречит спутнику. Это означало, что их цели совпадают: оба хотят что-то от него получить.

— Простите мою горячность, — директор мгновенно сменил тон на любезный. — Просто хотелось сказать пару слов в свою защиту. Раз уж вы столь прямолинейны, я тоже не буду ходить вокруг да около.

Ли Жун лениво поднял глаза на картину. Улыбка постепенно сошла с его лица, взгляд стал серьезным.

— Картина мне и впрямь нравится, — пробормотал он. — Но, к сожалению, одного этого недостаточно.

Президент Хэ слегка опешил. Он не ожидал, что аппетиты юноши окажутся столь велики. Если выставить это полотно на аукцион сейчас, оно уйдет как минимум за миллион — для студента это огромная сумма.

— И каковы же ваши намерения?

Ли Жун усмехнулся. Потянув стул, он сел напротив Хэ Даюна, после чего совершенно естественным жестом дернул Цэнь Сяо за рукав, приглашая того сесть рядом. Положив ногу на ногу, он расслабленно произнес:

— Моё условие очень простое. Оно не будет стоить господину Хэ ни единого золотого. Если вы согласитесь, мы с капитаном действительно дадим «Мэйцзян» шанс перевести дух.

Услышав, что Ли Жуну не нужны деньги, директор не расслабился. Деньги — самый простой ресурс. Просьбы, не связанные с финансами, обычно куда опаснее. Тем не менее, ему оставалось только слушать.

Взгляд Ли Жуна внезапно стал острым, как бритва. Он заговорил медленно, чеканя каждое слово:

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне о всех грязных делах, которые за эти годы проворачивали для биотехнологической компании «Сухэ».

Глаза Хэ Даюна округлились, он уставился на юношу в полном недоумении.

— Ваша цель... «Сухэ»? Девятый район на самом деле копает под них?

Он и представить не мог, что за обычным делом о «Юаньхэшэне» скрываются такие глубины. Дошедшая до него информация гласила, что Хань Цзянь просто недоволен деятельностью «Мэйцзян» и хочет проучить его. Но как под прицелом оказалась корпорация «Сухэ»?

Ведь он только что взывал о помощи к их крупному акционеру, надеясь, что если не удастся подкупить Цэнь Сяо, то те найдут способ приструнить начальника группы Ханя. А оказалось, что Девятый район собирается бить именно по ним!

— Вас не должно волновать, кого именно проверяет Девятый район, — бесстрастно отозвался Цэнь Сяо. — Сейчас наступило время, когда каждый спасается сам. Надеюсь, вы трезво оцениваете ситуацию.

Хэ Даюн хранил молчание. Его фирма была лишь маленькой ветвью, мелкой сошкой под крылом гиганта. Как он мог решиться на такое предательство? Он не верил, что у Цэнь Сяо хватит сил тягаться с биотехнологической компанией «Сухэ». Когда капитан сам пойдет ко дну, что станет с ним?

Держаться за «Сухэ» казалось куда более надежной стратегией. В конце концов, именно они протянули ему руку помощи много лет назад, когда он был на грани самоубийства из-за штрафов.

Директор изобразил на лице недоумение.

— Не понимаю, о чем вы просите меня рассказать, — невинным тоном ответил он. — Насколько мне известно, «Сухэ Шэнью» — эталон в нашей отрасли, лидер, несущий на себе бремя инноваций. Они обладают колоссальной социальной ответственностью и никогда не бросают пациентов с редкими заболеваниями. Я искренне восхищаюсь ими.

Ли Жун задумчиво коснулся кончиков пальцев. Он сидел, опустив голову, но глядя на директора исподлобья. Их главная проблема заключалась в отсутствии прямых улик, связывающих «Сухэ» с делом Ли Цинли. Корпорация была лишь выгодоприобретателем, но по закону это не делало её убийцей.

Хэ Даюн был их единственной зацепкой. Им нужны были его показания как детонатор, чтобы начать официальное расследование. Но если президент будет до конца настаивать на своей неосведомленности и чистоте «Сухэ», они окажутся в тупике.

Однако Хэ Чанфэн когда-то упоминал, что Хэ Даюн входил в высшие круги руководства корпорации, и те все эти годы действительно опекали его бизнес. Ли Жун интуитивно чувствовал: этот человек знает закулисные тайны. Не бывает нерушимых союзов; такой законченный эгоист, как Хэ Даюн, всегда будет флюгером, принимающим сторону того, у кого больше шансов на победу.

Сейчас директор рассудил, что им не одолеть «Сухэ», а потому, рискуя провалом переговоров, продолжал выгораживать покровителей.

Ли Жун покачал головой и негромко рассмеялся. Он легко положил ладонь на плечо Цэнь Сяо; его длинные белые пальцы коснулись плечевой кости партнера. Его голос звучал вкрадчиво:

— Хэ Даюн, неужели вы думаете, что только Девятый район следит за корпорацией? Если у вас действительно есть связи, поинтересуйтесь документом GT200, который в прошлом месяце инициировал профессор Цзян в исследовательском институте «Хунсо». Биотехнологическая компания «Сухэ» слишком далеко запустила свои руки, решив монополизировать рынок. Но захочет ли институт «Хунсо» мириться с этим — большой вопрос.

На самом деле Ли Жун и сам не знал точного содержания этого документа. Он лишь помнил, что Цзян Вэйдэ назвал собственный проект GT201, а предыдущим файлом с таким префиксом был тот самый GT200, о котором в кругах «Хунсо» на его первом курсе ходило множество слухов.

Хотя лишь единицы знали суть, это не мешало сплетням становиться всё более зловещими: говорили, что этот документ способен перевернуть всю индустрию. Оглядываясь в прошлое, Ли Жун не припоминал тогда никаких грандиозных потрясений, но сейчас слухи уже начали распространяться вовне. И Хэ Даюн, будучи инсайдером отрасли, наверняка слышал о грозном документе GT200.

Юноша откровенно блефовал, но он верил: чем меньше директор сможет разузнать о содержании GT200, тем сильнее будет его страх. С ликвидацией Шестого района влияние института «Хунсо» резко возросло. Рынок не резиновый, и без поддержки Объединенной торговой палаты «Ланьшу» желание ученых убрать конкурента в лице «Сухэ» выглядело вполне логичным.

Цэнь Сяо бросил на Ли Жуна глубокий взгляд. Проекты GT200 и GT201 — это то, с чем Ли Жун должен был столкнуться лишь в будущем. Произнеся эти номера при Хэ Даюне, юноша фактически перестал скрывать перед капитаном свою тайну о перерождении. Обстоятельства требовали крайних мер: только выложив на стол по-настоящему авторитетную и пугающую карту, можно было напугать Хэ Даюна.

Цэнь Сяо накрыл ладонь Ли Жуна на своем плече. Бессловесное понимание передалось через касание пальцев; им не нужно было проговаривать это вслух. Капитан поднял глаза, и его голос, налитый тяжелой властью, заполнил кабинет:

— Цзян Чжун годами злоупотреблял властью, используя пост председателя Шестого района в интересах биотехнологической компании «Сухэ». Неужели вы думаете, что другие председатели об этом не знали и не имели возражений? Я знаю, у вас есть знакомые во всех районах, так не поленитесь разузнать: то, что не смогла выявить информационная группа Девятого района, выявлю я. Разузнайте, какую роль в этом сыграл Цзянь Чанли из Первого района.

— Цзян Чжун мог бы и дальше спокойно почивать на лаврах, выкачивая деньги для корпорации, но его внезапно уведомили о расформировании Шестого района. Какую роль в этом сыграл Ху Юймин из Четвертого района, у которого вечные коммерческие трения с вашим сектором?

— Вы знаете, кто я такой. Если Хань Цзянь поручил расследование «Сухэ» именно мне, значит, он рассчитывает на поддержку, которую мне может обеспечить Третий район.

— Первый, Третий, Четвертый, Девятый районы и институт «Хунсо»... Вы уже поняли, на чьей стороне вам выгоднее оказаться?

<http://bllate.org/book/15351/1500252>